

Gregg R. The Eudaemonic Theme in Puškin's «Little Tragedies» // Alexandr Puškin: A Symposium on the 175-th Anniversary of His Birth / Ed. by A. Kojak, K. Taranovsky. New York, 1976.

² См.: Бем А. Л. Болдинская осень // О Пушкине: Статьи. Ужгород, 1937. С. 64—103; Terras V. Puškin Romanticism // Alexandr Puškin: Symposium II / Ed. by A. Kojak, et al. Columbus, 1980. P. 12; Monter B. H. Love and Death in Puškin's «Little Tragedies» // Russian Literature Triquarterly. № 3 (Spring). 1972. P. 206—214.

³ Выражение принадлежит В. Александрову. См. его статью: Correlations in Pushkin's «Маленькие трагедии» // Canadian Slavonic Papers. Vol. 20. № 2 (June). 1978. P. 183.

⁴ См.: Смирнов И. П. Психодиахронология: Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 30.

⁵ См.: Айхенвальд Ю. П. Пушкин. М., 1908. С. 86; Вацуро В. Э. «Повести Белкина» // Пушкин А. С. Повести Белкина: 1830—1831. М., 1981. С. 50.

⁶ Тем не менее нежелание Моцарта отдать «черному человеку» написанный для него Реквием свидетельствует о том, что и в Моцарте таится крупинка скупости. См.: Ермаков И. Д. Этюд по психологии творчества А. С. Пушкина: Опыт органического понимания «Домика в Коломне», «Пророка» и «Маленьких трагедий». М.; Пг., 1923. С. 174.

⁷ Терц А. [А. Д. Синяевский]. Прогулки с Пушкиным. Лондон, 1975. С. 65.

⁸ Monter B. H. Love and Death in Puškin's «Little Tragedies». P. 210.

⁹ Gregg R. The Eudaemonic Theme in Puškin's «Little Tragedies». P. 189.

¹⁰ См. сопроводительную статью Н. Котляревского в изд.: Пушкин. Соч.: В 6 т. / Под ред. С. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 135—146; Бем А. Л. Болдинская осень. С. 95—96; Ахматова А. А. О Пушкине, и др.

¹¹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 212—213; Терц А. Прогулки с Пушкиным. С. 70.

¹² В черновике: *дикую* (VII, 307).

¹³ См.: Айхенвальд Ю. И. Пушкин. С. 90; Ахматова А. А. О Пушкине. С. 105.

¹⁴ Gol'dštejn V. Puškin's «Mozart and Salieri» as a Parable of Salvation // Russian Literature. № 39. 1991 (North-Holland: Elsevier Science Publisher). P. 170.

¹⁵ Терц А. Прогулки с Пушкиным. С. 73.

¹⁶ Возможно, Пушкин назвал жену Вальсингама «бессмертным именем» Матильда вслед за Данте. Матильда — проводница Данте из Чистилища в Рай. См. об этом в нашей работе: *Metaphysical Topos and the Unity of the «Little Tragedies»* (в печати).

Юри Сугино
(Осака, Япония)

К ИССЛЕДОВАНИЮ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУШКИНА «ТАЗИТ» И «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Произведения Пушкина «Тазит» и «Медный всадник» имеют сходство по сюжетной линии развития любовной темы: в обоих произведениях любовь героев к возлюбленным девушкам не реализуется по каким-либо, не зависящим от них, причинам, в результате чего каж-

дый из них отрешается от своего общества либо общины. Хотя «Тазит» — незавершенная поэма, в черновом наброске есть продолжение сюжета: отец любимой девушки отказывает Тазиту при сватовстве, ссылаясь на то, что он не смог отомстить за своего брата, проклят и изгнан своим отцом, и разочарованный Тазит уходит от родного аула. А Евгений из «Медного всадника» теряет свою невесту из-за наводнения, сходит с ума, становится отверженным. Кроме этих совпадений в сюжетных линиях, некоторые исследователи отмечают текстуальные переключки между речью Тазита в сцене сватовства и монологом Евгения, мечтающего о женитьбе в канун наводнения¹. На наш взгляд, в этих любовных трагедиях — «Тазите» и «Медном всаднике» — отражены горькие испытания, выпавшие на долю Пушкина в период его сватовства к Наталье Гончаровой на рубеже 1830-х гг.

Как отмечалось в нашей предыдущей работе, в «Медном всаднике» художественные образы, соотнесенные с образом зверя, играют важную роль в идейном замысле поэмы². В поэме Евгений и природная стихия метафорически сравнивается с образом зверя, с которым Пушкин ассоциирует бунты и эпидемии. Эта ассоциация бунта установилась под влиянием двух пережитых им событий: путешествие по Кавказу в 1829 г. и холерные бунты, свирепствовавшие по всей России в 1830—1831 гг. Жестокая реальность кавказских мятежей и холерных бунтов оказывает большое влияние на общественно-политические взгляды Пушкина и приводит его к изучению документов о крестьянских восстаниях. Взгляды Пушкина на действительность становятся более трезвыми, и его мысль о глубокой пропасти между народом и царем проецируется на кульминацию «Медного всадника».

Раскрытие подспудной авторской ассоциации бунта и эпидемии с образом зверя не только дает нам ключ к разрешению многослойного строения поэмы как синтеза трех исторических эпох — 1770-х гг., периода декабристов и 1830-х гг., — но и проливает свет на автобиографические элементы в образе Евгения. В кульминации поэмы Евгений воплощает собой всех бунтовщиков восстаний прошлых времен, включая декабристов и самого Пушкина, а Медный всадник олицетворяет грозную царскую власть, в том числе и самодержавие Николая I, который беспощадно расправляется с декабристами и бунтовщиками. Кроме того, новое прочтение, с учетом подспудной авторской ассоциации, дает возможность полагать, что в основе нескольких сцен из «Медного всадника» лежат факты из личной биографии Пушкина, относящиеся к Болдинской осени 1830 г. Далее, стихийность безумного Евгения также имеет важное значение в разрезе изучения автобиографичности образов героев из произведений Пушкина. Сопутствующие погодные катаклизмы и метафорическое сближение с образом зверя, через которые выражается стихийность Евгения, — это отличительные черты, которые также просматриваются и в Тазите, и в образе поэта из пушкинских стихотворений. Поскольку на глубинно-смысловом уровне образ поэта ассоциативно связывается с

Пушкиным, можно утверждать, что эти общие черты характера Тази-та, Евгения и поэта указывают на автобиографичность названных персонажей.

В настоящем докладе мы попробуем сначала выявить автобиографические элементы в образах Евгения из «Медного всадника» и Тази-та из одноименной поэмы, потом рассмотрим, что именно в трагедиях неосуществленной любви отражает личные испытания, которые Пушкин выдержал, сватаясь к Наталье Гончаровой.

1

Сначала подойдем к анализу автобиографических аспектов в образе Евгения из «Медного всадника». Уже не раз говорилось, что в нем частично отражены и судьба, и характер самого Пушкина. Действительно, в тексте поэмы есть косвенные намеки на социальную и психологическую близость Евгения и Пушкина. Во-первых, Евгений так же, как и Пушкин, причисляется к потомкам угасающего боярского рода. Во-вторых, у Евгения поэтический характер. В поэме размышляющий о будущей жизни Евгений сравнивается с «поэтом» и упоминается, что в его опустевшей каморке поселится «бедный поэт».

Кроме того, прочтение поэмы с учетом подспудной авторской ассоциации показывает, что за двумя сценами из «Медного всадника» скрывается событие, которое Пушкин пережил осенью 1830 г. в Болдино. Судя по переписке того времени, Пушкин был заперт в Болдино, как на острове, окруженный холерой, и был на грани помешательства из-за беспокойства о задержанной в зараженной Москве Наталье Гончаровой. Столь затруднительное положение, в котором оказался поэт, он назвал «насмешкой, которую только могла придумать судьба» в письме от 30 сентября (XIV, 417; подл. по-франц.). Как сказано выше, в воображении Пушкина бунт и эпидемия ассоциируются с образом зверя, отсюда вытекает, что свирепая холера эквивалентна природной стихии по общности звериных черт. Если заменить холерное бедствие, которое поэт терпел в Болдино осенью 1830 г., наводнением, угрожающим сидящему на мраморном льве Евгению, то положение поэта совпадает во всех отношениях с положением героя. Евгений сидит на льве, как на острове, окруженный наводнением, и теряет рассудок из-за опасения за жизнь невесты. Автор называет это положение «насмешкой неба над землей» (V, 142). Итак, в сцене, где Евгений сидит на мраморном льве, просматривается личный пушкинский опыт. К тому же в поэме есть и другая сцена, в которой Пушкин отражает один из случаев, пережитых им осенью 1830 г. В «Заметке о холере» Пушкин пишет, что по пути к Наталье Гончаровой в Москву у одной переправы он столкнулся с несколькими мужиками в дубинах в руках. Поэт предложил им серебряный рубль, и они перевезли его (XII, 310). Отражение этого случая прослеживается в сцене, в которой Евгений дает перевозчику гривенник и переправляется через бурные

волны к острову, где живет его Параша. Таким образом, в двух вышеуказанных сценах холера и мужики, которые преграждали Пушкину путь к Наталье Гончаровой осенью 1830 г., спустя три года трансформировались в образ наводнения в «Медном всаднике», которое также является помехой для встречи Евгения с Парашей.

Обратимся к стихийности Евгения, которая подчеркивается его общностью с природной стихией и сходством с образом зверя. Припомним первое появление Евгения в «Медном всаднике», где герою сопутствует осенняя непогода так же, как герою в «Езерском». Сильный дождь, ветер и бурные волны, которые метафорически оттеняются звериными чертами, являются постоянным шумовым фоном при изображении одинокого героя, вплоть до момента бунта. Не только природная стихия, но и образ Евгения метафорически сближается с образом зверя: о безумном Евгении, который живет полузвериной жизнью, у Пушкина сказано «ни зверь ни человек» (V, 146). Далее, следует отметить, что вовсе не случайно во время наводнения Евгений оказывается сидящим на мраморном льве. Лев в данном контексте — это и образ зверя, ассоциирующийся с бунтовщиком, и символ королевской Швеции. Как и орел, лев является царским животным не только в творчестве Пушкина, но и в общекультурной традиции. Именно Евгений, как смелый бунтовщик против царского самодержавия, удостоивается образа льва, означающего достойного соперника русского царя³.

Мы усматриваем в соединении Евгения с природной стихией и его сближении с образом зверя автобиографические черты, ибо эти признаки показательны для образов поэта в стихотворениях Пушкина. Например, в стихотворениях «Пророк» и «Поэт» образ поэта дан в качестве стихийного и дикого существа, которое способно находить общий язык с предметами и явлениями из мира природы, и сравнивается с образом орла, олицетворяющего благородство и гордое одиночество.

К тому же примечательно, что образ поэта, характеризующейся в стихотворении «Поэт» следующими словами: «Бежит он, дикой и суровой, / И звуков и смятенья полн, / На берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы...» (III, 65), — напоминает образ Петра I, который изображается во вступительной части «Медного всадника». Можно сказать, что в произведениях Пушкина общность с природной стихией атрибутируется таким необыкновенным фигурам, как бунтовщик, поэт и преобразователь Петр I.

2

Перейдем к Тазиту, который сравнивается с образом зверя и имеет такое же влечение к природной стихии, как и Евгений. Во-первых, Тазит, который никак не может приспособиться к родной среде, представляет собой нечто столь же необычное, как и животное среди людей. Он сравнивается с прикормленным оленем, который тем не менее

всегда глядит в сторону леса. Во-вторых, его пленяют недоступные для человека места и свирепая природная стихия: «Он любит — по крутым скалам / Скользить, ползти тропой кремнистой, / Внимая буре голосистой / И в бездне воющим волнам» (V, 73—74). Вместе с тем неограниченный в мечтаниях Тазит уподобляется «ветру в небе», равно как и образ поэта из «Езерского». Таким образом, Тазит, которому приданы характерные черты образа поэта, внутренне ассоциируется с самим Пушкиным.

Отметим попутно, что и главный герой из поэмы «Тазит», и Евгений из «Медного всадника», и Езерский и образ поэта из «Езерского» — все эти фигуры даны в соотношении с природной стихией. Общность с природной стихией, с одной стороны, перекликается со стихийным и диким характером образа поэта, а с другой стороны — с необузданностью и мятежностью образа бунтовщика.

Как известно, Пушкин начал искать новую тематику и новый тип героя с конца 1820-х гг. — по мере окончания работы над романом «Евгений Онегин». В то же время у поэта была мысль привести Онегина к декабристам. Хотя Пушкин со временем оставил эту идею и закончил роман восьмой главой, он не отбросил окончательно декабристскую тему, реализовав свое намерение написать о декабристах в поэме «Медный всадник». Нам кажется, что стихийный, противодействующий своей среде, одновременно свободный и естественный человек — это именно тот герой, образ которого поэт искал и стремился создать после Онегина. Судя по хронологическому ходу работы «Тазита», «Езерского» и «Медного всадника», можно предположить, что процесс искания стихийного и свободного героя начинается с создания образа отверженного Тазита, проходит через опыт создания образа Езерского и завершается образом Евгения, совместившим в себе образы мятежного бунтовщика и поэта, наделенного частично чертами характера самого Пушкина. Мы можем судить о преемственной связи между героем из «Евгения Онегина» и героем из «Медного всадника» уже по тому факту, что оба они носят имя Евгений.

3

Учитывая наличие автобиографических элементов в образах Тазита и Евгения, мы хотим выяснить, в какой мере мотивы нереализованной любви в «Тазите» и «Медном всаднике» отражают реальные события и положение самого А. С. Пушкина в период его сватовства.

Как показано ниже, слова Тазита в сцене сватовства перекликаются в стилистическом и смысловом отношениях с монологом Евгения, размышляющего о будущей супружеской жизни. Тазит говорит отцу любимой девушки: «Благослови любовь мою. / Я беден — но могуч и молод. / Мне труд легок...» (V, 79). А Евгений, мечтая, рассуждает: «Но что ж, он молод и здоров, / Трудиться день и ночь готов» (V, 139). Эти цитаты сходны не только по использованным словам и выражени-

ям, но и по содержанию: оба героя решают устроить самостоятельную супружескую жизнь своим трудом. Далее, мысль об осуществлении независимой супружеской жизни также проскальзывает в письме Пушкина А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. (XIV, 405—406; подл. — по-франц.).

Мы прослеживаем процесс сватовства поэта к Наталье Гончаровой в период с 1829 г. до написания этого письма. В апреле 1829 г. Пушкин просил руки Натальи Гончаровой. Ее мать, не отказывая ему, отложила решение данного вопроса, ссылаясь на то, что дочь еще слишком молода. 1 мая, когда Пушкин получил этот ответ, он уехал на Кавказ и вернулся в Москву в сентябре. В октябре Бенкендорф упрекнул поэта за поездку на Кавказ без разрешения. Не трудно вообразить, что строгий выговор шефа жандармов дал ему лишний раз почувствовать свою несвободу в действиях и поступках. В апреле следующего года Пушкин вторично делает предложение Наталье Гончаровой, которое было принято. В письме от 16 апреля Пушкин сообщил Бенкендорфу, что намерен жениться на Наталье Гончаровой, но будущая теща требует от него гарантии имущественного состояния для супружеской жизни и подтверждения его лояльности по отношению к правительству. Пушкин писал, что первое требование его не смущает, так как государь дал ему возможность «достойно жить своим трудом» (XIV, 77, 405—406), но ему необходимо поручительство государя, чтобы удолетворить второе требование будущей тещи. Хотя письмо от 16 апреля написано по-французски, здесь нельзя упускать из виду того, что его фраза «достойно жить своим трудом» совпадает по смыслу с рассуждениями в словах Тазита и Евгения. Отвечая на просьбу Пушкина, Бенкендорф уверил поэта в том, что никакая тень недоброжелательства властей не падает на поэта и он может это письмо показывать тому, кому найдет нужным. Итак, в мае состоялась помолвка Пушкина и Натальи Гончаровой. Однако возникли новые затруднения — ссора с будущей тещей из-за приданого и прекращение общения поэта с Натальей Гончаровой из-за холерной эпидемии. Наконец, Пушкин женился на Наталье Гончаровой в феврале 1831 г.

Как выше указано, Пушкину пришлось перенести обиды и горе до свадьбы. Наверное, эти тяжелые испытания дали ему основание сильнее почувствовать свое униженное, горькое положение подневольного поэта, находящегося под строгим надзором царского правительства. Сходство слов Пушкина «достойно жить своим трудом» и слов Тазита и Евгения о независимой супружеской жизни кажется нам подтверждением того, что мотив нереализованной любви в поэмах «Тазит» и «Медный всадник» навеян реальными событиями в жизни Пушкина. Мы считаем, что ряд трудностей, которые Пушкин, не пользующийся благосклонностью царского правительства, переживал при сватовстве, лежит в основе печальной истории о том, как Тазит, оказавшийся в ситуации противоречия с нормами и законами родного аула, не смог соединиться с любимой девушкой. Кроме того, суровые болдинские ис-

пытания 1830 г., во время которых Пушкин переживал за жизнь Натальи Гончаровой, доходя до грани умопомешательства, составляют глубинный подтекст сцены, где Евгений сидит на мраморном льве и тоскует по невесте.

Таким образом, используя двухплановый художественный прием, Пушкин скрыто отображает свои тяжелые переживания во время сватовства в мотиве нереализованной любви в «Тазите» и «Медном всаднике». А намеком на автобиографичность образов Тазита и Евгения служит тот факт, что им приданы те же черты характера, что и образу поэта.

Примечания

¹ Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Л., 1987. С. 163; Асаока Н. Читая «Тазит» // Муза. № 10. 1991. С. 102.

² Сугино Ю. 1) О наводнении в поэме «Медный всадник» // Japanese Slavic and East European Studies. 1990. Vol. 11. P. 59—78; 2) К вопросу о соотношении образов Медного всадника и Николая I // Ibid. 1991. Vol. 12. P. 61—79.

³ В «Капитанской дочке» Пугачев также сравнивается с львом в эпитафии к одиннадцатой главе. Подробнее см.: Сугино Ю. Евгений из «Медного всадника» и Пугачев из «Капитанской дочки»: К толкованию образов бунтовщиков // Россия-го росиа-бунгаку кэнкю (Бюллетень Японской ассоциации русистов). 2002. № 34.

Т. П. Маевская
(Киев, Украина)

ПОЭТИЧЕСКИЕ РИТМЫ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА (На материале «Пиковой дамы»)

К «Пиковой даме» А. С. Пушкина обращались многие исследователи: и литературоведы, и лингвисты, и искусствоведы. Типологический интерес в изучении этого пушкинского шедевра многоаспектен. Выясняется его историко-литературный фон (М. П. Алексеев, Н. В. Измайлов, Н. Д. Тмарченко, Н. Я. Эйдельман и др.). Особое внимание привлекают теоретические аспекты исследования: поэтика, жанр, сюжет, повествовательная структура. При этом используются методы и традиционного литературоведения, и структурного анализа.

Один из спорных и нерешенных вопросов в изучении «Пиковой дамы» — это ее фантастическое начало. Еще в 1920-е гг. он дискутировался А. Слонимским и Н. Кашиным. В 1970-е гг. к нему обращались Р. Поддубная, Ю. Селезнев, С. Бочаров и др. Нельзя не упомянуть статью Ю. Лотмана «Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века». Стремясь постичь «тайное» содержание «Пиковой дамы», ученые обращаются к «тексту в тексте», к метафорической образности, символике чисел.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003